

Едва этот человек переступил порог палаты, как я инстинктивно почувствовал к нему неприязнь.

Росту в нем было никак не меньше метра девяноста. Высокий, статный, ладный — из тех, на кого засматриваются волей-неволей. Резкие, словно высеченные из камня черты лица наводили на мысль, что чистокровным ханьцем он не был: в его облике явно угадывалась кровь какого-то национального меньшинства.

Мужчина хмурился с самого порога. Глядя на его недовольную физиономию, я невольно подумал:

«Какая неприятная рожа. Наверняка его ни одна девчонка терпеть не может».

— Чжоу Дачуань. Девятнадцать лет, рост — метр семьдесят девять. Ханец. Первокурсник Ляонинской академии изящных искусств, отделение масляной живописи, — заговорил вошедший ледяным, заученным тоном. — Полгода назад прошел обряд Чума. Главный духовный покровитель — верховная защитница бессмертных Северо-Востока, Владычица Хэй. Снял по дешевке дом с призраками, где и промышляет феодальными суевериями.

«Мать твоя женщина... Это еще кто такой? Выложил всю мою подноготную как по писаному».

— А вы, собственно, кто будете? — буркнул я, набычившись. — И какое вам до всего этого дело?

— Ань Бели, начальник третьего оперативного отдела при Отделе специальных расследований Министерства государственной безопасности, — отчеканил он, даже не моргнув. — Я здесь для проведения дознания по делу о недавних событиях в деревне Бэйган. Прошу сотрудничать со следствием.

«Министерство государственной безопасности?»

Сердце у меня ушло в пятки. Когда я только соглашался на Чума, наставник упоминал, что в органах госбезопасности есть особый отдел, курирующий людей с нашими... специфическими талантами. Но я и представить не мог, что столкнусь с ними при первом же выезде!

«Да еще и начальник оперативного отдела... Звучит грозно. Хотя парню на вид от силы лет двадцать пять. Небось очередной мажор из какой-нибудь влиятельной семейки, пристроенный по блату?»

— Из Министерства государственной безопасности, говорите? А удостоверение у вас имеется? — я попытался напустить на себя независимый вид. — Знаете что, товарищ начальник, я человек простой, законопослушный. Про ваше «Чума» слухом не слыхивал. Да, признаю, перегибы с суевериями на местах случаются, но я никого на деньги не разводил! Взял у нашей

преподавательницы несчастную сотню юаней чисто на дорогу, чтобы помочь ребенка отыскать. Не будь этого, сейчас бы мирно грыз гранит науки в аудитории.

Ань Бели смерил меня ледяным взглядом с ног до головы.

— Избавьте меня от пустой болтовни. Я таких, как вы, повидал немало. Отвечайте на вопросы четко и по существу.

Меня так и подбросило. Ну и заносчивый же тип! Даже если я и согрешил против социалистической морали, то взял всего один копеечный заказ от учительницы Шао, да и то — ребенка спас! А этот Ань Бели смотрит на меня так, словно я злейший враг народа.

«Если их контора действительно присматривает за чертовщиной, он должен понимать, с кем имеет дело. Не боится, что я наведу на него порчу или нашлю пару зловредных духов?»

«Сам я, конечно, пакостить без причины не стану, но общаться в таком тоне не намерен. Много чести».

— Товарищ начальник, хотите арестовать — арестуйте, — я развалился на подушках, включив режим наглого обывателя. — Законы я знаю, мошенничества за мной нет. А у себя дома я волен молиться кому угодно. Сейчас у меня полный алтарь духов-покровителей, а вернусь — еще и статую Богоматери Цзиньлин водружу! И что вы мне сделаете?

Я с вызовом уставился на Ань Бели. Каков гусь! Приперся в больницу права качать.

— Я только что помог полиции накрыть банду торговцев людьми! Спас несчастных женщин и детей! А вы мне тут арестом грозите? Отлично! Давайте, крутите руки, я никуда не убегаю, прямо на этой койке и подожду.

Внутри все кипело от злости. Этот индюк явно решил показать свою власть и прижать меня к ногтю ни за что ни про что. Ну уж нет, хрен ему, а не легкая победа.

Ань Бели нахмурился. Моя строптивость явно застала его врасплох — он-то привык, что гражданские перед ним по струнке ходят.

— Советую не упрямиться и начать сотрудничать, — процедил он сквозь зубы. — Иначе...

Закончить угрозу он не успел. Дверь палаты с грохотом распахнулась. На пороге стоял мой кузен Чжоу Давэй, мужчина лет тридцати в форме госбезопасности и пожилой китаец за пятьдесят, одетый в традиционный наряд какого-то национального меньшинства. Все трое яростно буравили Ань Бели взглядами.

— О, какие люди! Сам господин начальник Ань! — паясничая, заговорил мужчина в форме. — Какими судьбами? Вы же вроде как в отпуске числились? Неужто прервали отдых ради великих дел? Какое рвение, у меня прямо слезы наворачиваются от восхищения!

— Чэн Годун? — Ань Бели так и перекошило от злости при виде оппонента. — Ты-то тут что забыл?

При виде Давэя у меня с души словно камень свалился. Храбриться-то я храбрился, но глубоко внутри знатно струхнул. Захоти этот чинуша всерьез испортить мне жизнь — отмывался бы я потом долго и нудно, несмотря на всю свою правоту. Сила-то на стороне закона, да еще и ведомство у него специфическое.

Но когда выяснилось, что Чэн Годун на дух не переносит лощеного начальника Аня, мне знатно полегчало. Намечалась забавная заварушка, и я уже предвкушал зрелище.

— Как это что? — Чэн Годун с самым невинным видом потряс увесистой корзиной с фруктами и подошел к моей койке. — Прибыл по поручению нашего начальника отдела Лу, дабы навестить героя и выразить признательность. А вот ваши мотивы, господин Ань, мне решительно неясны.

Он тепло улыбнулся мне:

— Товарищ Чжоу, приветствую. Я здесь от лица начальника Отдела специальных расследований Министерства государственной безопасности Лу Цзиншэна. Примите нашу искреннюю благодарность за содействие.

С этими словами он аккуратно водрузил корзину на тумбочку и вежливо поклонился стоявшей у окна Барышне Бай:

— А вы, надо полагать, дух-хранитель молодого мастера Чжоу? Простите великодушно, что потревожили ваш покой.

Бай Яньцю плавно, с истинно благородной грацией покачала головой:

— Ну что вы. Я лишь приглядываю за своим подопечным, никакой помехи здесь нет.

У меня аж челюсть отвисла. Чэн Годун видел ее! Если не считать дядюшку и тетюшку Пан, это был первый встреченный мной человек, способный созерцать духов-покровителей без всяких шаманских приспособлений.

— Позвольте представить, — Чэн Годун указал на пожилого мужчину. — Это мастер Бай Ичжоу. Он потомственный белый шаман народности мяо и по совместительству почетный консультант нашего отдела. Мы прибыли, чтобы расспросить товарища Чжоу о деталях столкновения с тем типом, что баловался черным колдовством и создавал мерзких паразитов.

Я попытался сесть поудобнее и слегка поклонился в знак приветствия. Все тело ныло так, словно меня переехал самосвал, так что о полноценном поклоне стоя не могло быть и речи.

Старик добродушно отмахнулся и мягким, но уверенным жестом уложил меня обратно на подушки:

— Лежи-лежи, сынок, не делай лишних движений. Это я должен тебя благодарить. Уж не знаю, какую именно тварь пытался вывести Габу, но все его поделки — грех против природы и неба. Не останови ты его вовремя, этот безумец пролил бы реки невинной крови.

«Вот это я понимаю — нормальный разговор! И корзину притащили, и спасибо человеческое сказали. А то первый-то гость только воздухом сотрясал да гонор свой показывал».

— Да ладно вам, пустяки... — смутился я, замямлив дежурные фразы. — Любой на моем месте поступил бы так же. Просто карты так легли, вот я и ввязался.

После недолгой перепалки вежливостями и взаимных расшаркиваний все наконец расселись, готовые перейти к делу.

— Ой, господин начальник Ань, а вы все еще здесь? — Чэн Годун удивленно приподнял брови, глядя на застывшего посреди палаты конкурента. Лицо у него при этом было до того невинное и глупое, что прямо кулаки чесались. Но меня эта сцена несказанно порадовала.

— Счастливо оставаться, — процедил Ань Бели. Он наградил меня напоследок полным ненависти взглядом, круто развернулся и вымелся вон, с силой грохнув дверь.

Я мысленно послал его куда подальше, закатив глаза. А вот Давэй знатно закипел — он уже порывался выскочить в коридор и на пальцах объяснить наглецу правила хорошего тона, но Чэн Годун вовремя схватил его за плечо.

— Оставь его, брат Чжоу. С такими связываться — только время терять. Чем больше на него реагируешь, тем сильнее он пыжится.

— Да кто он вообще такой? — зло сплюнул Давэй. — Черт знает что, а не офицер. Разговаривать по-человечески не умеет!

Мой старший брат опекал меня с самых малых лет, поэтому любую обиду в мой адрес воспринимал куда острее, чем если бы задела его самого.

— О-о, это местная достопримечательность, — усмехнулся Чэн Годун, усаживаясь на свободный стул. — Редкостный экземпляр.

Стоило заговорить об Ань Бели, как его буквально прорвало:

— Семейка у него непростая, крутится в столичных верхах, так что связей в ведомствах хватает. Его двоюродный брат служил у нас, но недавно схватил пулю, списали по ранению. Родня тут же подняла крик: подавай им замену! Ну, руководство пошло навстречу, уважили заслуги героя — пристроили этого хлыща в третий отдел бумажки перекладывать. Но парень-то оказался дубовым, да еще и с претензией на гениальность. Решил, видно, выслужиться. Думаю, он прознал про нашего юного таланта и примчался, чтобы обманом затащить его к себе в отдел. Надеялся получить бесплатного ручного бойца для черной работы.

Давэй побагровел от возмущения:

— Да он вообще берега попутал! Нужен помощник — так предложи условия нормальные, а не пугай тюрьмой! У него что, вместо мозгов соевый соус в голове?

«И не говори, — мысленно поддакнул я. — Попроси он по-хорошему, да пообещай официальное трудоустройство в госорганах со всеми льготами — я бы сам в эту кабалу с радостью полез».

— Молодо-зелено, — махнул рукой Чэн Годун. — Дорвался до власти, решил показать, кто тут новая метла. Плюньте и забудьте.

Было очевидно, что он ставит Ань Бели ни во что и его угрозы всерьез не воспринимает.

— Ладно, вернемся к делу. Дачуань, расскажешь, как все было? Если, конечно, силы позволяют.

Тон у него был дружелюбный, без казенщины. К тому же он явно ладил с моим братом, так что скрывать мне было нечего. Я поудобнее устроился на койке и начал рассказ с самого начала — с того дня, когда увидел на доске объявлений листовку о пропаже ребенка, которую расклеила наша преподавательница, учительница Шао.

Первую часть истории я изложил в общих чертах, сосредоточившись на главном — на том, что развернулось в деревне Бэйган.

Едва я упомянул кошмарный ритуал, где детские тела использовались как узлы для создания прямого и обратного массивов Семи Звезд, Чэн Годун аж подпрыгнул на стуле. Лицо его потемнело от гнева, и он разразился тихой, но яростной бранью, поминая извергов всеми известными ему словами.

Когда повествование дошло до багрового кровавого кокона, в разговор вмешался старый мастер Бай. Он принялся расспрашивать меня со всей дотошностью: интересовался формой ритуальных сосудов, цветом и консистенцией самой оболочки. Но когда я признался, что эта мерзость впиталась в мое тело и теперь у меня прямо на сердце висит какой-то призрачный

мотылек, старик буквально вцепился в мою руку.

— Мальчик мой, ты позволишь мне осмотреть тебя? — взволнованно спросил он, заглядывая мне в глаза.

Возражать я, конечно, не стал. Мне и самому до смерти хотелось избавиться от этого подселенца. Кому понравится жить с чужеродной тварюгой в груди? Одно дело — духи-покровители, и совсем другое — какая-то непонятная бабочка, угнездившаяся прямо на жизненно важном органе.

Давэй испугался не на шутку:

— Как так — на сердце?! — вскинулся он. — Да в этой больнице врачи вообще ослепли, что ли? Делали же полное обследование! Как они могли проглядеть опухоль или что там у тебя? Коновалы чертовы!

— Успокойся, Давэй, — поспешил вмешаться Чэн Годун. — Обычные приборы такое не берут. Это область тонких энергий, тут никакой рентген не поможет. А мастер Бай в этих делах посильнее любого консилиума будет, он разберется.

Брат немного поутих, но взгляда со старого шамана так и не сводил.

Мастер Бай взял меня за запястье. Он прикрыл глаза, нащупывая пульс. Минуты две стояла полная тишина, прерываемая лишь моим дыханием, а затем старик резко распахнул глаза. В его взгляде читалось неподдельное изумление, смешанное с восторгом.

— Послушай, парень... — выдохнул он. — Кем же ты был в прошлых жизнях? Это сколько же благой кармы надо было накопить, чтобы обладать такой чистой душой?

Я лишь уныло кивнул.

«Знал бы ты, дедуля, как тошно порой быть этим самым праведником. Сплошные ограничения да вечные долги перед мирозданием».

Барышне Бай тоже передалось волнение. Магия гу была ей чужда, и она не знала, чего ожидать от южной заразы.

— Мой подопечный действительно является праведником в девятом поколении, — обратилась она к мастеру Баю. — Уважаемый старейшина, скажите честно: этот паразит не причинит вреда его душе и телу?

Старик весело рассмеялся и замахал руками:

— Какая же это зараза! Напротив — величайшее благословение! Мальцу несказанно повезло. Надо же, мерзавец Габу сам того не желая сотворил настоящее чудо!

Я только глазами захлопал. Тот багровый кокон выглядел как порождение преисподней, разил жутким трупным запахом, а теперь мне говорят, что это бесценный дар?

Заметив наше недоумение, мастер Бай поспешил растолковать суть дела:

— Тот мерзавец пытался вырастить легендарного паразита, секрет которого в наших краях считался утраченным уже полвека. Это так называемый духовный гу сопутствующей луны. Существо крайне капризное, опасное и мощное. Чтобы сделать его своим пожизненным хранителем, хозяин должен перенести чудовищную боль — его каналы и кровь буквально перестраиваются заново. Но это полбеды. Самое скверное, что личинка гу в процессе созревания жадно пожирает все светлые помыслы своего создателя. Если за дело берется злодей, то к моменту пробуждения паразита в его душе не остается ни капли добра. И тогда собственная черная злоба пожирает его изнутри — он попросту сгорает в муках. Именно поэтому Габу похитил четырнадцать чистых детей и девушку с сильной благой кармой. Он хотел скормить их чистую энергетику ненасытному зародышу, чтобы обезопасить себя. Но мерзавец не учел одного — появления нашего Дачуаня.

Старик уставился на меня сияющими глазами, словно разглядывал редчайший музейный экземпляр.

— Ты ведь праведник в девятом поколении! Твоя благая аура настолько сильна, что для этой личинки ты стал ослепительным солнцем, настоящим океаном чистейшей энергии. Мало того что малютка наелась до отвала, так она еще и признала в тебе единственного, истинного хозяина! Пробила кокон раньше времени и добровольно свила гнездо в твоём сердце. Дачуань, мальчик мой, ты просто ходячее сокровище!

У меня невольно дернулся уголок рта.

«Да забирай хоть сейчас, если так нравится, — уныло подумал я. — Мне от этой святости только шишки достаются да бока ноют».

Стоило вспомнить, каким нелепым образом мне достался этот громкий титул — буквально по ускоренной программе, — как по телу пробежал неприятный мороз.

Но само название — «духовный гу сопутствующей луны» — звучало возвышенно, почти как из древних даосских легенд. Интересно, в чем же его сила?

— И все-таки, мастер Бай, — подал я голос, — зачем Габу понадобилось тратить столько сил и губить детей ради этой бабочки? Что она умеет?

Старик на мгновение посмурнел и тяжело вздохнул:

— Габу — мой младший соученик... Личинки этих насекомых исчезли в наших краях больше полувека назад, и видит небо, я не представляю, где он сумел раздобыть уцелевшую кладку. Духовный гу сопутствующей луны входит в тройку великих священных паразитов южных земель. Его главное свойство — пожирать скверну. Он питается болезнями, ядами и гнилью. По сути, его хозяин получает способность исцелять самые безнадежные недуги.

Я изумленно приподнял брови. Способность врачевать любые хвори — это же чудо из чудес! Зачем тогда злодею и убийце Габу творить столько зла ради благородного лекарства? Не вяжется одно с другим.

— В том-то и разгадка, что природа этого существа двойственна, — мастер Бай словно прочитал мои мысли. — Все зависит от помыслов хозяина. Твое сердце чисто, поэтому в твоей груди живет созидательный духовный гу сопутствующей луны. Но окажись паразит в руках эгоистичного мерзавца, он тут же переродился бы в свою темную ипостась — пожирающего души гу поклонения луне. Эта тварь не лечит, она высасывает жизненные силы из всего живого.

Картина прояснилась. В моих руках этот мотылек — великий целитель, пожирающий болезни и скверну. А у Габу он стал бы ненасытным жнецом, выпивающим человеческие души досуха. Оставшись без капли жизненной энергии, жертва просто угасла бы за считанные дни.

— Вот почему я говорю, что ты совершил великий подвиг, сынок! — старик вновь сжал мое запястье, его голос дрожал от волнения. — Ты не просто спас детей, ты уберег мир от ужасного бедствия.

Мне стало неловко. Вроде бы ничего особенного не сделал — просто плыл по течению да защищал свою шкуру, а на меня обрушился такой шквал восторгов.

«Хотя... — подумалось мне с легкой ухмылкой, — может, из меня и впрямь выйдет образцовый праведник? Задатки-то, судя по всему, имеются».

<http://bllate.org/book/20253/2151488>